

Я здесь всего второй день. Ещё не освоился, не привык к разным штучкам. Но я рад, что сюда попал. Ужасно рад. Лучше уж сюда, чем вообще никуда.

Нет, конечно, лучше было остаться *там*, у себя. Но раз так получилось, то хорошо, что сюда попал, это само собой. Кто бы сомневался.

Сначала со мной провели курс адаптации. Быстро, полчаса всего. Я о нём не хочу говорить вообще-то. Не то чтобы неприятно было или больно, просто странно и никак не верится. Сначала не верится, не верится, а потом вдруг раз — и готово! Поверил и успокоился. Ну, не то чтобы успокоился, как-то... угомонился. Мне мама

всегда говорила: «Угомонись!» Вот я и угомонился. Ой, про маму же нельзя, мне говорили! Всё, всё, не буду. Я в норме.

Вообще нормально тут этот вопрос продуман. Технично. И одежду они как-то быстро исправили, ни дырок, ни пятен. Я не говорю уже обо всём остальном. Короче, вышел оттуда весь новенький, чистенький, причёсанный, будто из салона красоты. И зубы целы.

Напоследок мне вручили пачку таблеток и Жетон Жителя — ЖЖ. Бесплатно, само собой. Какие тут деньги? И главное — очереди никакой! Фантастика. По идее, народу должно стоять немерено, каждую секунду ведь кто-нибудь умирает! Аварии, несчастные случаи, болезни, операции... Да мало ли причин! Просто старость... А никого нет.

Здесь симпатично. У всех жителей свои домики. Никто друг другу не мешает, просторно, как в супермаркете в семь утра. Это очень хорошо, можно сидеть и думать сколько хочешь. Можно фильмы смотреть, можно в игры играть, пожалуйста. Меня спросили: «Ты в игры-то играл?» Я говорю: «Играл». «Ну, значит, и здесь сможешь играть», — утешили они. Тоже мне утешители... Даже книжный шкаф есть. «Книжки-то читал?» — говорят. «Естественно, — говорю, — по школе же надо было читать». «Ну и здесь читать будешь, —

говорят. — А надоело дома сидеть — иди гуляй. Никто не запрещает».

Никто не запрещает... Они меня что, обрадовать этим хотели?

Улицы такие чистенькие. Всё такое аккуратное, приятно посмотреть. Заборчики, изгороди, площадки перед домиками. А крыши все черепичные, как в Старом Таллинне.

В Старом Таллинне. Я помню, мы ездили этим летом... Ездили с мамой. С мамой. Совсем недавно. Гуляли там, кофе пили с пенкой. Много пенки, целые шапки на чашках лежат, корицей присыпаны... Мама пирог яблочный заказала. Мы за столиком на улице сидели, а ветер был, нам пледы вынесли — с лосями. С лосями пледы. С лосями. Мне и маме. Мы смеялись. Мы укутались с ногами, запеленались, как младенцы, было очень смешно. Мы были словно малыши спелёнутые. Мама с руками закуталась и просила кормить её с ложечки. Мама меня очень смешила тогда... Хватит! Нельзя! Сказали же на адаптации — нельзя...

Ну вот, значит, крыши как в Таллинне. Только там все крыши были красные, а *здесь* разноцветные. Зелёные, красные, синие, коричневые, кому какие достанутся. Тут уж выбирать не приходится. Оказывается, очень важно, во что ты был одет в тот момент. Мне досталась малиновая

черепица, в цвет моей штормовки. А сам домик белый. Они все белые. И оконные наличники белые, и подоконники, и занавески. И двери в домах белые. Вообще белого цвета много. И очень чисто, я уже говорил.

Зелени тоже много: клумбы, кусты. А деревья похожи на громадные зелёные чупа-чупсы: круглые шары на прямых стволах-палочках. Дорожки для прогулок сделаны, брусчаткой выложены. Кстати, луж нет. Может, ещё будут, но пока не видел. Тут пока погода хорошая стоит.

Домиков много, конца-края нет. Жители туда-сюда ходят. Не толпы, но и нельзя сказать, что нет никого.

Когда я вчера к своему домику шёл после адаптации, искал малиновую черепицу среди крыш, на меня налетела какая-то рыжая девчонка в голубых шортах и синей майке. На ногу наступила, между прочим. В общем-то, мне было всё равно, но кроссовки только что почистили, а она наступает.

— По ногам как по асфальту, — прошептал я больше для себя.

Но она услышала, притормозила, посмотрела на меня удивлённо, сказала:

— А, новенький, что ли? Тебе уже всё приготовили! — и поскакала дальше, к домику с синей черепицей. Ну и ладно.

А я добрёл до своего дома. Я как-то сразу понял, что это теперь мой дом. Моя белая калитка в белом заборе. Моя каменная дорожка к крыльцу. Ручка двери. Вот сюда надо приложить Жетон Жителя. Теперь можно входить. Прихожая с вешалкой и полкой для шапок и перчаток, коврик с коротким ворсом, чтобы вытирать ноги... Небольшой коридор. Комната, диван. Я дошёл до дивана и завалился спать. И ещё подумал: «Вот проснусь — а ничего не было». Ага, не было. Не будет — так точнее.

А потом проснулся и сидел один до ночи, старался думать об очень простых вещах, как мне советовали на этой адаптации. И ещё мне сказали, что первые сутки меня беспокоить не будут. Я спросил, кто меня должен беспокоить, а они ответили: «Разберёшься». Ну ладно, разберусь...

Ну хорошо, очень простые вещи, поехали. Вот стоит диван, на диване подушка и покрывало. Очень красивое покрывало, с узором. Красные квадратики и чёрные кружочки. Если квадрат поставить на один угол, он станет ромбом или останется квадратом?.. Ещё проще, ещё легче.

Вот мои ноги стоят на чистом полу. Его подмели и вымыли к моему приходу. «Тебе всё приготовили!» — крикнула та девчонка.

А что, кто-то знал, что я приду?.. Они тут что, будущее предвидят? Нет, это тоже сложно. Ещё проще...

Вот за окном темнеет, уже вечер. Вот фонари зажглись. А мне зажигать свет или посидеть в темноте? Что лучше: темнота или свет? Свет яркий, темнота спокойная. На свету всё видно, в темноте всё спрятано. Я спрятался, только и всего... Я спрятался, меня не видно. Очень просто.

Мама всегда говорила, что самый длинный день в путешествии — это день приезда. Когда ты утром был ещё дома, а вечером уже вон где, за тысячи километров, может быть.

Сегодня самый длинный день... Утром я был ещё дома. Надел рюкзак, пошёл на электричку, встретился со своими на платформе. Доехали до конечной, потом топали десять километров, палатки поставили. Скалы, озеро, листья — красиво. А вечером я уже здесь. Навероятно далеко. И очень просто.

Я так устал выдумывать простые вещи, что опять заснул и проспал до утра.

А утром решил как следует оглядеться и вообще. Для начала домик исследовал. Ага, знакомая прихожая. Шкаф с вешалкой, полка для шапок, а это штуковина для обуви, я про неё ещё не сказал, у нас дома такая же была:

открываешь дверцу — ботинки выдвигаются, закрываешь — они обратно уезжают, все носами вниз. Я не знаю, может, я непонятно объясняю, но у нас такая же у входа стояла. Из прихожей прямо в комнату идёшь, без всяких дверей. Комната с диваном, оказывается, огромная! В стене — камин. Вот этого у нас точно не было. Ну что там ещё? Мебель всякая для жизни (ага, прикольно, для жизни! — ах-ах!), ну, диван, где спать, стол, кресло там... Ну, занавески на окнах. Светло-зелёные, без рисунка, как мне нравится. Короче, комната как комната, только с камином. Я вообще-то описания не очень люблю. И рассуждения тоже. Больше всего мне на уроках русского повествование нравилось. События как-то проще пересказывать, чем мебель в комнате. Стоит, например, шкаф с книгами. Как я его опишу? Вот если бы этот шкаф упал на кого-нибудь, этот кто-то под шкафом застрял бы, его книгами засыпало бы, а тут прибежал бы другой чел, стал бы его вытаскивать... Ну то есть шкаф бы сделал что-то, о нём интересно хоть рассказывать стало бы.

Ещё одна комната с посудой — я так понял, что это кухня. Куча шкафчиков, дверок разных. Там, наверное, соль, сахар, чай, гречка в банке, мука, макароны... Интересно, я себе сам готовить буду? Прикольно. Хорошо, что есть пока

не хочется. Хотя зубы целы, можно ими жевать что угодно. Пожалуйста. Но пока не хочется.

Ванна и туалет тоже имелись. И ещё какая-то кладовка, что ли. Такая узкая дверь в коридоре. Там, наверное, швабры стоят и разные «фэйри». Я подёргал — не открывается. Ну и не надо. Нужны мне ваши швабры... Сейчас точно не нужны.

Потом на улицу вышел, а потом на крышу забрался, чтобы получше местность рассмотреть. Там лесенка такая есть снаружи, очень удобная, только непонятно, для чего она приделана. Чинить ничего не надо, антенн нет (а телик, кстати, был в большой комнате!). И противопожарной лестницей она не может быть: все домики одноэтажные, если загорятся, так просто дверь открыл и вышел. Надо потом спрашивать про пожары, интересно. У них тут вообще есть пожарная команда? Секундочку, а спички тут есть вообще? Камин в доме есть, канделябры со свечами тоже. Наверное, должны быть и спички, надо поискать на каминной полке.

Ну вот, я на крыше сижу с биноклем... Кстати, откуда у меня бинокль? Не помню. Наверное, голова ещё не совсем в порядке. Ещё бы, после таких дел. Да плюс эта адаптация... Может, меня накачали препаратами психотропными или волнами просветили все-

го, так я теперь ничего не помню и не понимаю. Да ладно, какая разница! Главное, не болит нигде. И зубы целы.

Ну вот, сижу на крыше, смотрю во все стороны, а черепица не кончается. Целое разноцветное море черепицы, сколько глаз хватает, до горизонта! Синяя, розовая, жёлтая, серая, фиолетовая, чёрная. И ни леса, ни речки, ни озера, ни поля. Одни домики и зелёные чупа-чупсы на палочках. Эх...

В бинокль-то смотрю, а что под носом делается — не заметил. Только слышу крики: «Ай, ой! Как же так? Как жаль! Ну надо же!»

«Что у них там стряслось?» — думаю. Бинокль на шею повесил, скатился с крыши и пошёл посмотреть. И никто не запрещает нос на улицу совать, вот что прикольно!

А там небольшая толпа уже собралась. Люди в униформе за забором ходят, одеты как роботы, в серые комбинезоны с белыми бляхами на спине, траву и кусты чем-то пылесосят. Лиц не видно, лица скафандрами закрыты, как в фильмах про эпидемии. А снаружи, на улице, прохожие столпились. Стройная женщина в оранжевом платье с крупными синими цветами. И та рыжая, что справа от меня живёт, в доме с синей черепицей, тоже крутится рядом, я её признал по голубым шортам и синей